

Тов. СТАЛИНУ.

Лично.

Дорогой Коба.

Может, это нецелесообразно, что пишу тебе это письмо в сложившейся обстановке. Но пусть у тебя сохраняются эти листки, - ты, может быть, когда-нибудь пожалеешь, что было допущено мое политическое изничтожение на основе излишнего доверия к показаниям клеветников и лжесвидетелей и излишнего недоверия к моим показаниям.

Сейчас 5 часов утра - я не сплю, как обычно не сплю. Большой мозг усиленно думает все об одном. Я сам газет не могу читать - мне говорят домашние. И вот я только в 2 ч. ночи узнал, что в передовице "Известий" от сегодняшнего числа (вернее, уже вчерашнего) сказано: "Ясно" из показаний Сок-Пят-Рад., что у правых были кадры, организация во главе с Рык-Бух, шедшая вместе с троцкистами и т.п.

Это - уже передовица. Это уже официальное утверждение на основе показаний одних штемцелеванных негодяев!

Я все ощущаю себя, как в кошмарном сне, где реальные отношения извращены, где царит жуткая фантасмагория, где элементарнейшие вещи поставлены на голову, где властвует дьявольский бред и коварство троцкистских подлецов, и где я - объект этой подлости. Всем существом чувствуешь грубо-элементарно-лживую атмосферу, созданную этими троцкистскими подлецами, и сам бессильно находишься в тисках клеветы, мстительно поддержанной правыми.

Никто во-вне не знает, что я думаю и говорю. На-вне - одна ложь клеветников. А теперь еще мнение "Изв." Что же должны думать массы? Они неизбежно будут пропитываться ненавистью ко мне.

Я таким образом - уже политически убит. Остальное - есть лишь об"ективное последствие этого факта. За что? Почему?

Потому что поверили лжесвидетелям разных мастей.

Прекрасно, что НКВД вскрыл во-время гнезда смертельных врагов. Это его непреходящая заслуга. И, конечно, в этом центр тяжести момента. По сравнению с этим вообще вопрос о моей личной судьбе второстепенная подробность. Но все же в теперешнее время особенно нужно подчеркнуть, что дело не в том, чтобы всякого подозреваемого обвинить, а и в том, чтобы оберечь друзей, помня обо всей изощренности хитрейшего врага.

Вы, вероятно, думаете, что я в чем-то "запираюсь", как сначала запирались и троцкисты. Рассуждение по аналогии простое, но оно слишком просто. А факты?

Разве не ясно, что Сок, Пят, Радек, члены одного центра, лгут насчет "участия" "правых" (и их якобы "отношения") к этому центру, когда они все по-разному говорят об этом, не успевши еще "координировать" своих показаний?

Разве не ясно, что они лгут насчет якобы моих связей с ними? Вы подумайте только: Сокольников знает якобы о моих мыслях и согласии с троцкистами на основе слов Томского, тогда как, по словам Пят. и Радека, они со мной все время были в связи? А Радек и Пят. были в тесных отношениях с Сок-ым, как члены ихнего центра? А на суде Сокольников, зная уже показ. Радека, говорит о Радеке!!! Разве не ясно, что они вдребезги запутались, когда, с одной стороны, говорят (Радек и Пят.) об этой моей якобы связи с ними, а в то же время Пятаков показывает, что только в 1935 г. Троцкий

ставит снова вопрос об одном лишь контакте с "правыми"?
Что же это такое?

Разве не ясно, что они лгут насчет платформы? Ведь, Пятаков на следствии прямо говорил, что Каменев на этот вопрос ему ответил полной неопределенностью. А теперь услужливо появляется рютинская платформа или какие-то танцы вокруг нее!

Разве не ясно, что Цетлин и Астров лгут, когда состязаясь в стремлении меня сгубить, говорят все же (с уверенностью!) совсем разные вещи о рютинской платформе?

Разве не ясно, как лжет мерзавец Радек в своем рассказе о Бауме? Стоит только подумать: а почему же Радек, по его собственным показаниям, не захотел разговаривать с немцами в этом случае? Ведь, если бы я был его соучастником, как раз было бы все очень подходяще: тут и представитель правых, соучастник и т.д. Но мерзавец Радек испугался меня. Из-за меня он и не говорил. А поэтому он мне и не мог, вопреки его лжи, ничего рассказывать и потом о своих предательских "зондажах".

Разве неясна ложь показаний Цетлина, запутавшегося чуть ли не во всех сроках (я об этом писал)?

Разве хоть что-либо приводится в доказательство того, что после 1932 г. была вообще какая бы то ни было моя "связанность" с какой-либо правой организацией и с какими бы то ни было правыми людьми? Кто они? Где они? Ведь, это дикая чушь и вздор! А между тем налицо объективный политический факт сформулированного и напечатанного обвинения.

1932 г. был уже пять лет тому назад. Я подробно говорил, что было до 1932 г.

Перепутывается вся хронология, извращается вся перспектива. Прошрое переносится на настоящее. Подогреваются словечки против руководства из времен 28/29 года. Ты хорошо знаешь, что я мог бы набрать такие словечки и из совсем других уст, если собирать их за всю историю партии. Но это было бы политически подло и преступно и до этого я никогда дойти бы не мог, даже защищая самого себя: пусть этим занимаются прохвосты - лжесвидетели без души, сердца и ума.

На мои положит. аргументы (о парижских троцкистах против меня, о Роллане, Павлове) - я встречаю отмахивающийся жест рукой, как от надоедливой мухи. Почему?

Я много раз писал и, вероятно, повторяюсь кое-где. У меня нет никакой злобы на партруководство, никакого плохого чувства. Партруководство я научился ценить, уважать и любить на большом и мучительном опыте. Это - принципиальное, а не зигзаг мысли. Я понимаю и сложность теперешнего положения. Но меня не может не мучить мое собственное положение "щепки", которая летит, когда рубят лес. Меня клеймят уже свои, товарищи, моя страна - вот что ужасно. Враги будут торжествовать по этому поводу. Какое проклятье было в том, что в НКТП мне пришлось быть на службе под Пятаковым, а в "Известиях" - над Радеком. Если бы я мог хоть подумать о том, что здесь, в клевете со стороны этих людей, таилась моя гибель! От этих ядовитых змей! Если бы вы только видели, как ловко Радек симулировал передо мною партийца! Если бы вы сами присутствовали при том, как "партийно" обхаживал меня Радек! Как он в предпоследнем разговоре целовал меня(!) и говорил: Сталин все разберет и т.д.! И вот эти люди, которые, как Пятаков, хотели расстреливать свою жену и собственных друзей из своей маккиаваллистической политической конспирации, меня с успехом политически убивают, ибо им, несмотря на все, в чем то верят против меня!

Но Астровы, Слепковы, Цетлины? Прошу Вас, подумайте над двумя фактами:

Слепков (я не знаю его показаний, предполагаю, что они в том же духе) пять лет сидит. Я от него давно открестился, писал и говорил о нем, как о контр-революционере. Если Цетлин взбесился против меня только за то, что я де за него не заступался (что, как ты знаешь, неверно), то у Слепкова и др. не могла разве любовь перейти в жгучую ненависть? Могла. А второе: условия момента. Кто прочтет показания Радека + Пятакова против меня, кто в то же время усиленно допрашиваем, и над кем висит меч, тот всегда может сказать: все равно Бух.-человек пропащий, он, вероятно, все равно погиб, а тут мы уж такую "искренность" проявим, что дальше идти некуда...

Цетлиновские показания вообще совестно читать, до того видна их на-спех сделанная нарочитость. Даже мелочь - скрывание имен уважаемых ныне товарищей, членов группы молодых - крайне характерна для всего духа этих показаний или их записи.

Я видел, как ты махнул рукой, когда я сказал, что даже не виделся с Рыковым. В 1934г. я один раз приехал на дачу Рыкова с Анютой. И так как, очевидно, я приехал с ней, то А.И. и его жена, увидев это, из филистерского протеста тут же уехали, не сказав почти пары слов. А с той поры ни Р. у меня, ни я у него не были ни единого разу. На П.В. я раз просил его дать статью о связи (Наркомате Связи) и советовал ему обратить внимание на проблемы техники, о чем я говорил еще во время очной ставки с Сокольниковым.

Когда все время чувствуешь, как меня оплевывают, заушают, смешивают с подлецами и изменниками, выносят позорящие меня

резолуции, хочется сказать евангельскими словами: не знают бо, что творят.

Теперь уже, видимо, никому почти нет дела до того, что мозги мои измучены до предела, что мое политическое и личное достоинство попрано, что со мной можно делать, что угодно. И это несмотря на то, что вся моя голова полна мыслей о нашей стране, ее победах, ее борьбе, ее людях, ее силах, что она полна ненависти ко всем ее врагам, что вся жизнь ориентирована была на большую и напряженную работу в ближайших боях с этими врагами. Все думы были об этом, в том числе и теоретические (я все время занимался критикой фашизма и его идеологии). Я уже давным давно позабыл период борьбы с партией: в душе поднялась совсем другая поросль чувств и идей. Думалось, что будет получена путевка в жизнь и на большую работу и среди масс (я ведь все годы был изолирован от рабочих, меня не пускали ни на какие собрания в моск. организ., я не ездил по путевкам МК, как ездил Радек, напр.). И вот теперь золотые сны "реализуются"... Плакать? Кричать? Кусаться? Забыться, умереть? Взывать, просить, умолять?

Я тебе пишу - мелкие людишки стали бы над этим трунить - ибо надеюсь только на тебя. Но если и твою душу подтравили столь основательно ядом полного недоверия, такого, которое не видит многого из-за показаний врагов - тогда надеяться не на что. История разберет. Но когда?

Сейчас уже 7 часов утра - я прописал целых два часа (вот какие стали темпы).

Я даю тебе слово, что мне неизвестна судьба более трагическая, чем моя теперешняя судьба. Большой об"ективной несправедливости, чем расправа со мной, как с врагом не мо-

жет быть. Если у кого-нибудь есть мысли, что все это с моей стороны маскировка и заpiresательство, которые допнут со временем, как допнули другие маскировки - то эти мысли - коротконоги и наивны. Ибо казус здесь совсем, совсем другой, печальный и трагический, предельно-трагический. Каждое утро с трепетом ждешь, что еще какая-нибудь ядовитая стрела вонзится в сердце, что опять будет напечатана какая-нибудь вопиющая клевета, которую уже считают правдой круги твоей собственной партии. И так, в ужасных пытках, проходят дни и проходят ночи.

Квартира - гроб с полутрупамии: все больны и лежат, все измучились и исстрадались до последних возможностей. 27-го было 75-летие моего отца и одновременно день рождения моей жены. Старик, который до сих пор работает, был бы героем труда. Сейчас хочет одного: умереть поскорее. Вот как приходится мне расплачиваться за старые (28/29 г.) грехи! За меня страдают все окружающие. Иногда я мучительно думаю, как бы сделать, чтоб из-за меня не страдали другие.

Делается роковая ошибка по отношению ко мне. Чтобы все это прожить и пережить, нужно сверхчеловеческое напряжение сил. Не знаю, хватит ли их у меня.

Есть малые и большие круги жизни. Когда я вспоминаю Астрова и его "Рассказать?", после чего начинался лай клеветы (в перемежку с эпическим рассказом, напр., об охоте), эти - малые круги. Их мне нужно разогнуть, как и брехню Радеков и Пятаковых. Этим я и занимаюсь в письмах. Но есть и большие круги жизни, где "последние решения" делаются на основе огромной совокупности всего опыта. Я вот смотрю на все происходящее: Идет перед битвой огромная чистка. Хорошо. Очень хоро-

шо! Ничто не может заставить меня отойти хоть на йоту от положительнейшей оценки всего очистительного процесса и строительного в целом. Но посмотри и ты с другого конца: а похоже разве - если смотреть с большой башни, - чтобы я не был увлечен громадным потоком победоносной жизни, а смотрел в троцкистский „сучий куток?“ Похоже?

Я пишу в сравнительно спокойных тонах не потому, что я спокоен: нельзя все время кричать, просто нет сил. Я протестую против того, что со мной делается. Я считаю это вредным со всех точек зрения. Моя гибель - есть радость для наших врагов, врагов СССР. Это для меня - аксиома. Ибо я то хорошо знаю, что клевета есть клевета, как бы искусно она ни была сделана.

Устала голова окончательно. Больше не могу. Не сердись за письмо и не сочти меня за сумасшедшего. Еще (пока) этого нет. Но я почти всегда пишу тебе не официальным языком: или совсем не писать или писать так, как идет из души. А там пусть люди судят, как хотят. Больше не могу. Все ужасно.

Твой Н. Бухарин.

В возмутительной формулировке передовой "Известий", о которой я пишу в начале этого письма, кроме всего прочего, всякого читателя поразит следующее:

1) почему - полная вера показаниям мерзавцев - Пят.-Рад. Сок-ва? А что же говорят Бух. и Рыков и почему об этом ни слова?

2) /Самое странное/: в показ. Пят.-Сок. ни о каких кадрах правых сведений нет (есть у Радека голословные намеки). Как же так? Даже сочинять не умеют: говорят, что из показаний вытекает. То-то, а этого "того-то" в самих показаниях нет!!!